

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

А. Л. Топорков

«ПЕРЕПЕКАНИЕ» ДЕТЕЙ В РИТУАЛАХ И СКАЗКАХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

В восточнославянских версиях сказки «Мальчик и ведьма» (АТ 327 С, F) встречается следующий эпизод. Ребенок (Ивашка, Жихарко, Филюшка и т. д.) попадает в дом к Бабе-Яге или ведьме, которая поручает своей дочери изжарить его: «Дочь истопила жарко печку, взяла связала Филюшку и положила на лопату, и только хочет пихнуть его в печку — он упрет да и упрет в чело ногами. „Ты не так, Филюшка!“ — сказала дочь яги-бурой. „Да как же? — говорит Филюшка. — Я не умею“. — „Вот как, пусти-ка, я тебя научу!“ — и легла на лопату, как надо, а Чуфиль-Филюшка был малый не промах: как вдруг сунет ее в печь и закрыл заслоном крепко-накрепко».¹

Хотя происхождение этого и подобных сказочных эпизодов уже возводилось исследователями к архаическим ритуалам (инициация, похороны),² никто, кажется, не обратил внимания на его близкое сходство с ритуалом «перепекания» ребенка, широко известным у восточных славян.³

В наиболее общем случае ритуал заключается в том, что грудного ребенка кладут на хлебную лопату и трижды всовывают в теплую печь. Обычно так поступали с младенцами, большими рахитом или атрофией, а согласно народной терминологии, *собачьей старостью* или *сухотами*.⁴ По наблюдениям Т. Я. Ткачева, «под понятие сухот подводится целый ряд болезней желудочно-кишечного тракта, которые ведут к истощению детского организма».⁵ В ряде сообщений отмечается, что «перепекание» не только не помогало ребенку, но могло и существенно повредить его здоровью.⁶ Ритуал осуществлялся иногда и при других болезнях, например при грыже;⁷ в некоторых местах Владимирской губ. «перепекали» всех детей непосредственно после родов.⁸

В России ритуал был известен преимущественно в Поволжье, центрально- и южнорусских губерниях (Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская, Саратовская, Тульская, Орловская, Воронежская), а также в Сибири.⁹ Наиболее распространенное русское название ритуала — *перепекание*, реже встречаются варианты *перепеченье*,¹⁰ *запекание*,¹¹ *допекание*.¹² Действие обычно описывается при помощи глагола *перепекать*, причем в зависимости от контекста приставка *пере-* придает слову разные оттенки значения: глагол может обозначать или избыточное действие (ср. *пирог перепечен*), или повторное действие — *выпекать заново*. Отсюда возможность двух типов словосочетаний (ср. *перепекать собачью старость* и *перепекать ребенка*) и соответственно двух разных интерпретаций ритуала. Для Сибири, а так-

же для Украины и Белоруссии употребление глагола *перепекать* в таком контексте не характерно.¹³

На Украине ритуал известен на Подолье, в Волынском Полесье, в Киевской, Черниговской и Харьковской обл. Согласно сводному описанию Ю. Талько-Гринцевича, баба-знахарка на рассвете приносила из трех колодцев непеченой воды, замешивала с ней тесто, пекла его и, вынув хлеб из печи, всовывала туда на лопате ребенка.¹⁴ Как и повсюду у восточных славян, ритуал, как правило, сопровождался диалогом, например в Харьковской губ. в то время, как баба-знахарка сажала ребенка в печь, его мать трижды обходила вокруг хаты, каждый раз заглядывая в окно и спрашивая: «Шо ты, бабусю, робышь?» Знахарка отвечала: «Хлеб гниютю!»¹⁵

Ритуал зафиксирован и в основных сводных источниках по этнографии белорусов: в сборниках Н. Я. Никифоровского (Витебская губ.),¹⁶ М. Федеровского (Гродненская губ.)¹⁷ и А. К. Сержпутовского (Слуцкий у. Минской губ.).¹⁸ По материалам Полесского архива, он бытовал также на Гомельщине. Согласно описанию Н. Я. Никифоровского, мать больного ребенка сажала его на лопату, обмывала водой, которой приглаживали хлеб, и несла к печи, как будто собираясь посадить туда вместе с хлебами, но только клала лопату на припечек; в эту минуту дверь отворяла другая женщина и, всплеснув руками, с гневом спрашивала: «Што ты робишь? — Ня, ты ня видишь; суши пяку — во што я роблю! — А, суши! дык пячи, пячи их, каб ни було!» — и другая женщина снимала ребенка с лопаты.¹⁹

Несмотря на кажущуюся простоту ритуала, его символика достаточно сложна и многозначна, причем в разных вариантах на первый план выступают то одни, то другие аспекты его смысла. Согласно большинству описаний, главной целью ритуала было сжигание болезни, ср. формулы: «Собачья старость, припекись в печи!»,²⁰ «Как хлеб печется, так и собачья старость пекись!»²¹ и под.

Однако эта мотивировка, осознаваемая и самими исполнителями ритуала, относится, по-видимому, к поверхностному уровню его семантики. Более глубокий уровень определяется символическим отождествлением ребенка и хлеба, выпечки хлеба и появления ребенка на свет: его как бы возвращают в материнское чрево (печь), чтобы он родился заново. По сообщению из Керенского у. Пензенской губ., «иногда ребенок родится слишком слабым и сухощавым. Такого младенца, который, по выражению народному, „не допекся в утробе матерней“, старухи-знахарки „перепекают“ в обыкновенной печи, чтобы сделать его полным и здоровым».²²

Характерно, что обычно ритуал так или иначе соотносится с изготовлением хлеба в печи; в Казанской губ. лицо ребенка замазывали тестом, так что открытыми оставались только нос и рот.²³ В с. Тонези и Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл. ребенка трижды подносили на лопате к печи, говоря: «Откуль пришло, туды и пошло!»²⁴ По-видимому, формула могла относиться как к самому ребенку, так и к болезни; в первом случае печь отождествлялась бы с женским лоном, во втором — представлялась бы источником болезни.

Можно предположить, что печь символизировала не только чрево матери, но и загробный мир, отправление в печь — временную

смерть; характерно, что в некоторых вариантах ритуала на ребенке разрывали рубашку, как на покойнике, и сжигали ее.²⁵

Таким образом, помещение ребенка в печь, помимо сжигания болезни, могло символизировать одновременно: 1) повторное «выпекание» ребенка, уподобленного хлебу, в печи, являющейся обычным местом выпечки хлеба и одновременно символизирующей женское чрево; 2) временное возвращение ребенка в материнское чрево, символизируемое печью, и его второе рождение; 3) временную смерть ребенка, его пребывание в ином мире, символизируемом печью, и возвращение в этот мир. Амбивалентное значение печи одновременно как символа женского чрева и загробного мира подтверждается разнообразными восточнославянскими фольклорными и обрядовыми данными.²⁶

Однако смысловой доминантой ритуала является все же символическая связь между выпечкой хлеба и рождением ребенка, характерная в целом для народных представлений восточных славян, ср. укр. «У печурце родився» (о счастливом человеке),²⁷ рус. «Из одной печи, да не одни речи».²⁸ В Казанской губ. один из способов лечения ребенка, больного «собачьей старостью», заключался в том, что его сажали под квашню, приговаривая: «Как тесто всходит, так на младенце тело всходило бы!»²⁹ В Слуцком у. Минской губ. больного ребенка сажали на лопате на припечек, полагая, «што ат гэтаго дзіця будзе здаровае й пачне расыці, як у печы хлёб».³⁰

Сажание в печь ребенка как средство народной медицины широко использовали многие европейские народы: поляки, словаки, румыны, венгры, литовцы, немцы. Еще Бурхард Вормский (ум. в 1025 г.) осуждал немецких женщин, которые для излечения своих детей от лихорадки сажали их в печь.³¹ Во многих случаях ребенка засовывали в печь именно на лопате (поляки, немцы, румыны, венгры),³² причем некоторые польские описания очень близки восточнославянским, например в Познанском воеводстве при чирьях или сыпи ребенка сажали на лопате в печь «как булку хлеба» и держали там, пока он не прогреется.³³ Возможно, что какие-то действия, сходные с «перепеканием», имеет в виду и новохеттское предсказание новорожденному, гласящее, что «ребенок пройдет через реку... огонь и [испытание] лопатой».³⁴

Существуют прямые терминологические пересечения между ритуалом «перепекания» и сказкой о мальчике и ведьме, о которой мы говорили вначале. В сказке из Гродненской губ., сохранившейся в архиве П. В. Шейна, ведьма называет мальчика *сущик* и обращается к нему: «Сущик-лущик, покажи ручку!»³⁵ Слово *сущик* очевидно образовано от названия детской болезни *сущи*;³⁶ в 1984 г. мы зафиксировали в Полесье ритуал, который сопровождался следующим диалогом: «Шо вы тэ пчээтэ? — Сушчыкы-лушчыкы! — Пичытэ, пичытэ, коб йих нэ было».³⁷

Конечно, такое «втягивание» обрядовой реальности в сказку имеет вторичный характер, однако не является оно и случайным. Повидимому, на восточнославянской почве произошло вторичное сближение сказочного эпизода с ритуалом «перепекания». Это стало возможным благодаря тому, что в историко-генетическом плане эпизод, по всей вероятности, также восходит к определенным ритуалам.³⁸

Кроме этого, некоторую роль могли сыграть особенности содержания и функционирования сказки о мальчике и ведьме. По наблюдениям Н. В. Новикова, сказки на этот сюжет «бытуют преимущественно в детской аудитории (рассказываются или самими ребятами, или взрослыми — детям)».³⁹ Особым образом изображается Баба-Яга: «...на всем ее облике, действиях и поступках заметно выступает печать деревенской обыденности».⁴⁰ Ее жилище — «это уже обычная деревенская изба с русской печью... в которую неудачно пытаются ее дочери и она сама толкнуть мальчика, чтобы зажарить его и съест».⁴¹ Неудивительно, что и эпизод с сажанием на лопату приобретает в значительной степени бытовой характер. С психологической точки зрения переосмысление ритуала в сказке можно объяснить как его инвертирование с точки зрения ребенка. Легко представить, что именно таким образом мог бы описать «перепекание» ребенок лет 4—5: баба-знахарка хотела засунуть мальчика на лопате в печь, а тот обманул ее и саму отправил в огонь.

Интересно было бы проследить, как соотносятся наш сказочный эпизод и ритуалы типа «перепекания» в иных традициях, но это уже задача другого исследования.

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 137.

² *Пропл В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 98—103; *Топоров В. Н.* 1) Хеттская *salju, gi* и славянская баба-яга // Краткие сообщ. Ин-та славяноведения. 1963. Вып. 38. С. 28—37; 2) Индоевропейский ритуальный термин *soh1-etro-(etlo-, edhlo-)* // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986. С. 80—89; 3) Заметки по похоронной обрядности. II. О мифологизированных описаниях обряда трупосождения и его происхождения у балтов и славян // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 19—28. Так, В. Н. Топоров утверждает: «Прообразом мотива „изжаривания“ героя в сказке и соответствующих действий в ритуале инициации следует признать обряд трупосождения» (*Топоров В. Н.* Заметки... С. 22).

³ Сводная характеристика ритуала дана в известной книге Г. И. Попова «Русская народно-бытовая медицина» (СПб., 1903), написанной по материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (ныне хранится в Гос. музее этнографии народов СССР (далее: ГМЭ), ф. 7, оп. 1). Нам удалось выявить ряд рукописных корреспонденций, которыми пользовался Г. И. Попов.

⁴ По сообщению Е. А. Покровского, под названием «сухотка» подразумеваются «разные степени похудения тела... Высшие степени сухотки народ обозначает двумя названиями: „сушец“, или „сухая стена“, и „собачья ста-

рость» (*Покровский Е. А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884. С. 333).

⁵ *Ткачев Т. Я.* Народная медицина в Воронежской губернии // Воронежский краеведческий сборник. Воронеж, 1925. Вып. 3. С. 10.

⁶ *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1965. Т. 2. С. 3.

⁷ *Демич В. Ф.* Педиатрия у русского народа. СПб., 1892. С. 35.

⁸ *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. С. 70.

⁹ Е. А. Покровский сообщает также о бытовании ритуала в Новгородской и Тверской губ. (*Покровский Е. А.* Физическое воспитание... С. 334).

¹⁰ ГМЭ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 29, л. 23 (Меленков. у. Владим. губ.).

¹¹ *Ткачев Т. Я.* Народная медицина... С. 10.

¹² *Демич В. Ф.* Педиатрия... С. 34.

¹³ Впрочем, по данным Полесского архива Института славяноведения и балканистики АН СССР (далее: ПА), такое употребление встречается также в украинском и лорусском Полесье: *сушичи пэрэпикають* (Ветлы Любешов. р-на Волын. обл.), *ста́рошчи припеккають* (Кочище Ельск. р-на Гом. обл.), *ста́рость запеккають* (Костюковичи Мозыр. р-на Гом. обл.).

¹⁴ *Talko-Hryniewicz J.* Zarzysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893. S. 129.

¹⁵ *Иванова А. В., Марусов П.* Материалы для этнографического изучения

- Харьковской губернии. Слобода Кабань // Харьк. сб. 1893. Вып. 7. С. 415.
- ¹⁶ *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 40.
- ¹⁷ *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. S. 399—400.
- ¹⁸ *Сержнуптоўскі А.* Прымкі і забаны беларусаў-паляшukoў. Менск, 1930. С. 168.
- ¹⁹ *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы... С. 40.
- ²⁰ *Аршинов В. Н.* О народном лечении в Казанском уезде // Сборник сведений для изучения крестьянского населения России. М., 1889. Вып. 1. Прил. С. 27.
- ²¹ *Красноженова М.* Материалы по народной медицине Енисейской губернии // Изв. Вост.-Сиб. отд-ния Рус. геогр. о-ва. 1911. Т. 42. С. 75.
- ²² ГМЭ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 1334, л. 24. Ср.: *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. С. 70.
- ²³ *Аршинов В. Н.* О народном лечении... С. 27.
- ²⁴ ПА. 1980. Зап. автора.
- ²⁵ *Чубинский П. П.* Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Спб., 1877. Т. 4. С. 16—17.
- ²⁶ *Седакова О. А.* Обрядовая терминология и структура обрядового текста (Погребальный обряд восточных и южных славян): Канд. дис. М., 1983. Прил. С. 293—294; *Страхов А. Б.* Ритуально-бытовое обращение с хлебом и печью и его связь с представлениями о доле и загробном мире // Полесье и этногенез славян: Предварит. материалы и тез. конф. М., 1983; *Топоров В. Н.* Заметки... С. 26.
- ²⁷ *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 38.
- ²⁸ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 3. С. 108.
- ²⁹ *Аршинов В. Н.* О народном лечении... С. 27.
- ³⁰ *Сержнуптоўскі А.* Прымкі... С. 168.
- ³¹ *Biegeleisen H.* Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu polskiego. Lwów, 1927. S. 354—358.
- ³² Ibid.
- ³³ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. T. 15. Poznańskie. Wrocław; Poznań, 1962. Cz. 7. S. 153.
- ³⁴ *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейские этимологии // Этимология. 1983. М., 1985. С. 161.
- ³⁵ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 135, л. 144—144 об.
- ³⁶ *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы... С. 40.
- ³⁷ ПА. 1984. Пески Ратнов. р-на Волын. обл. Зап. автора.
- ³⁸ См. литературу в примеч. 2.
- ³⁹ *Новиков Н. В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С. 174.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.